

Думаешь, как же жалко тебя, человек! Уже такое пережито, что казней из нас достоин самого лучшего, а мы - голодные, злые, оборванные...

Дорога к Плетневу, вопреки опасениям, больших трудов не составила: автобус до Любино, тут же - местный автобус до поворота на Андреевку, шесть километров пешком по сухому грейдированному проселку. И вот уже меня облаивает рослый пес.

Сидим за кухонным столом - хозяин, его супруга Надежда Константиновна, - перебираем лесную клубнику утреннего сбора, нынче на нее хороший урожай. «Помогает» и самый младший внук, окончивший первый класс Никитка: то и дело тянет в рот приглянувшуюся ягоду покрупней - чтоб перебрать нам меньше оставалось...

- Как здоровье, Александр Никитович?

Нынче получше. Нынче, сам видел, из всей скотины остались у меня куры да Зевс, который тебя облаивал. Отдыхаю, ягодки вот собираю. А в предыдущие годы и корова была, и бычок, потом - поросенок, гуси, даже овцы однажды. Тогда напругался, тогда никакого продыху не было.

- Как все-таки пришла в голову сама мысль перебраться в деревню?

Однажды, где-то во второй половине 91-го, мне вернули рукописи из детского издательства. По их же предложению собрал несколько рассказов, повесть «Дивное дело» включил, и получилась рукопись книжки для детей. И вот возвращают... Сопроводительное письмо: мол, дорогой Саша, мы теперь спасаемся коммерческой литературой, как и все другие издательства, извиняемся... Вот тогда-то я и понял, что образу жизни, который до этого вел, моим литературным заработкам приходит конец. Так и вернулся к земле, к своим крестьянским корням.

- Давай оставим пока в стороне литературу, а просто поговорим о жизни, которая нас окружает и которая у тебя становится в конце концов материалом для художественных произведений. Вот твой рассказ «Тихое помещительство» - очень страшный рассказ. Он ведь об Андреевке?

Конечно. Я вспоминаю прошлую жизнь - тоже бедную, жестокую, но вспоминаю и крестьян тех лет - другие были люди. Никак не могли переступить через неписанные нравственные законы, границы. А современный крестьянин очень устал, во многое перестал верить, он лишь сил ко всякому сопротивлению, иногда доходит до скотского, крайнего состояния. И он не протестует, он спокойно живет.

Бывало, в первые годы моей здесь жизни подойдешь к контроле - там всегда спор, там кипит политические страсти. Теперь же - полное спокойствие, никто ничего не обсуждает, ничто никого не волнует. Безразличие. Человек работает, каждый день ходит на работу, несколько при этом не возмущаясь. Приучили.

- Ну, этим-то, положим, при любой власти у нас занимались...

Да, при любой... Какие-то крупные, волнообразные напасты накатываются на Россию. Они не сразу вышибают из седла, как девятый вал, а постоянно - в течение всего заканчивающегося столетия. Поколения прежние, которые были покрепче, уходят, а те, что послабее, остаются. И в целом генетически народ слабеет.

Жизнь - она, конечно, не кончится, будет жить человек на этой же российской, сибирской земле, только какой человек? Который более крепко, более способен к сопротивлению, к самоутверждению.

- Откуда же он возьмется, такой человек?

А свято место пусто не бывает. С точки зрения тех же китайцев, наши пространства от Урала до Чукотки - это необитаемая земля, тут двадцать мил-

лионов всего-то населения. Плюс к тому она очень богата, это всем известно. Мы свои богатства осилить сами не в состоянии, каких-то инвесторов все ждем. Поля приходят в запустение. Еще на моей памяти, когда я здесь появился, какие хорошие тут стояли хлеба, а сейчас - сплошной осот: удобрять нечем, техника на последнем износе, семян не хватает.

- А тебе не кажется, что мускулы у деревни ослабли еще и оттого, что она приехала за последние десятилетия к постоянным подпоркам: помощь города, списание долгов, хозяйств, государственных дотирование...

Это все закономерно, так было во все времена. Никогда государство не выпускало крестьянина из поля своего зрения. Мои родители переехали в Сибирь как переселенцы еще до колллективизации. Из бедности вырвались, из воровнежского тесноты. Государство перевезло их сюда бесплатно, им был построен дом-пятистенник на берегу Омки - выше от Омска за триста километров. И мать вспоминала что

сразу же хорошо зажили. Масло, шерсть, кожи - не успевали продавать. А вот у жены моей, Надежды Константиновны, предки из Черниговской губернии, так их еще при царе переселяли в Уссурийский край: аж вокруг Африки через Индийский океан везли на Дальний Восток. Как же это было государству дорого...

Всегда не только город «подпирал» деревню, но и деревня город тоже. Да еще, правду говорят, полимира на себе мы таяли - помогали всем странам, которые хоть какой-то плохой, но социализм строили. А что сейчас? Разве не утекли на Запад из России за последние годы колоссальные средства? Живем бедно. Вот тот же нефтяной завод на омской

земле стоит, а трактор в Андреевке иной раз заправить нечем. Потому как рынок. Но рынок рынок, а где же рука государства? Она везде должна чувствоваться - и в деревне, и в институте, и на заводе, и в науке.

- Зимой не скучно тут, в деревне, особенно одному?

Первые четыре года безвылазно в Андреевке жил. На одну зиму даже совсем один остался - Надежда тоже в город уехала. Но тут была у меня целая библиотека. И вообще, я никогда не чувствую себя одиноким, не чувствую, что меня сильно тянет к кому-то.

- А как с соседями? Повезло?

Говорят: не покупай дом, а покупай соседа. Сперва мне казалось - какая разница, кто рядом живет? Ан нет: очень боль-

шие бывают сложности. Как-то приходит один и спрашивает: «Ты у меня лопату не брал?». «Нет», - говорю. А уже потом сообразил: это же он меня вроде как вором выставил, лопата ведь у него в сарае стоит. Всякое бывает.

Но - назвался груздем... Соответствуй. Тут не скажешь: я - писатель, это ожидаемого эффекта не произведет. Жить надо стараться соответственно.

Однажды мне в Омске предложили: «Ты рассказываешь, что деревенским детям носить нечего, давай дадим на эту тему объявление в газете, и люди многое из одежды принесут. Возьмешь - отвезешь, раздашь». Я сперва не сообразил, в чем дело: вроде бы задумка-то хорошая, а душа противится. Почему? Потом понял и говорю: «Вы, пожалуйста, привозите все это собранное сами. Я живу в Андреевке равный среди равных, себя от

чер?» «Народу было... - говорит. - Хвалили...». «За что хвалили?», - спрашиваю. «За патриотизм», - отвечает. И никакой уже литературной памяти нет у человека: разве было когда-нибудь, чтобы Тютчева, Блока или Есенина хвалили не за их высший Божий дар, а за патриотизм или еще за какое-нибудь политическое проявление?»

- Александр Никитович, знаю, что к политике ты относишься отрицательно. Но скажи, пожалуйста, почему, на твой взгляд, именно шахтеры отличаются такой политической активностью?

Предьстория такая. Всегда почему-то было в народе расхожее мнение, будто шахтеры деньги дуриком гребут... А я тебе скажу: в социальном плане обездоленной людей среди советского рабочего класса не было.

Взять, к примеру, квартиры?

вали только специальные, избранные бригады. Социалистическая система вся держалась на этих передовиках. Вещь это банальная, всем известная - рабочая аристократия называется. Положено на шахту два Героя Соцтруда - и точка. А третий - хоть лоб разбей - Героком не станет!

Большие надежды шахтеры на нынешнюю власть возлагали, только из одной ямы в другую попали... Не платят денег за добываемый уголь, да еще теперь говорят, что и уголь-то не нужен, так как, мол, он нерентабельный, с высокой себестоимостью. Вроде как уже целая отрасль не нужна стала.

- Тут недавно приезжал в Омск - в гости к родственникам - твой товарищ по шахте «Дальневосточная» Василий Афанасьевич Дегтярев. Так вот он рассказывает, что в ваших краях, в Артеме, создано сейчас специальное управление, которое

люди, атерашные ярые материалисты и атеисты, отрицают меня и говорят: «Не смеи трогать Бога!» Ведь именно это кое-кому не понравилось в моем выступлении на осеннем писательском пленуме - критическое отношение к новым религиозным течениям, идеям, вчерашним верным солдатам партии. Я их называю «верующие ельцинского призыва».

Мать у меня была верующая, оставалась такой до конца. А отец восемнадцатилетним ушел на германскую войну и провоевал в общей сложности семь лет. После германской еще крепко и гражданскую зацепил - в Красной Армии был. Попадал в плен к белоказакам - убежал. Снова воевал. И всю свою веру он на этих войнах, конечно, подрастерял. Хотя крест носил.

Однажды в 21-м году попал он в плен к повстанцам Ишимского восстания, этот крест его и спас. Там была повстанческая комиссия, состоящая из стариков. Заходят туда ребята по одному и не возвращаются. Жутко. Заводят и его, и первый вопрос: «Коммунист?» - «Нет». Тут подходит к нему один старик из этой комиссии, как раньше гимнастерку за ворот: «Что у тебя в душе православная вера. Ерунда! Не верующими мои старшие братья воевать уходили, среди их поколения мало было верующих. Что уж говорить о последующих...»

Не верю я нынешним новоявленным верующим, которые «прозрели», видите ли, через много лет. Ерунда! Неверующими мои старшие братья воевать уходили, среди их поколения мало было верующих. Что уж говорить о последующих... Не верю я нынешним новоявленным верующим, которые «прозрели», видите ли, через много лет. Ерунда! Неверующими мои старшие братья воевать уходили, среди их поколения мало было верующих. Что уж говорить о последующих...

Не верю я нынешним новоявленным верующим, которые «прозрели», видите ли, через много лет. Ерунда! Неверующими мои старшие братья воевать уходили, среди их поколения мало было верующих. Что уж говорить о последующих... Не верю я нынешним новоявленным верующим, которые «прозрели», видите ли, через много лет. Ерунда! Неверующими мои старшие братья воевать уходили, среди их поколения мало было верующих. Что уж говорить о последующих...

- Какие у тебя сейчас отношения с Валентином Распутиным?

Он давал мне рекомендации в Союз писателей, поддержал с первой книжкой «Чтоб жил и помнил». Когда-то предложил мне в письме: «Саша, пора нам переходить на «ты». Я же сам не мог переступить через это первое.

Но идет время, меняется обстановка - политическая, социальная, нравственная. И вот встречаемся мы с Валентином на пленуме, около раздевалки. И он меня спрашивает: «Ты в Москве-то скоро будешь?» То есть сударственного дотирования она невозможна. Адотирования нет, вот шахтеры и возмущаются.

- Хочу порасспросить тебя об отношении к религии. Хотя, вообщем-то, в принципе, считаешь этот вопрос сугубо личным, интимным - таким, который каждый человек должен без всякого афиширования решать для себя сам. Но раз уж о вере в Бога с высокими трибунами теперь говорят... Ты ведь сам неверующий?

Удивительное дело: были - и не так уж давно - времена, когда я встал на писательских собраниях и, будучи беспартийным, критиковал партию. И мне говорили: «Же смей! Не трогай!». А теперь те же

Пушкин «Гавриладиу» написал, теперь вот выгоды говорить, что это, мол, еще не доказано.

Потом от меня к губернатору на прием приглашал, только я туда не пошел. Улучил момент - прямо его спросил: «Ты на меня за выступление рассердился, обиделся?». «Нет, нет», - говорит - ни в коем случае». Не знаю, насколько уж это было искренне. А переписываться с ним, как и с многими другими, я сейчас не переписываюсь.

- Объясни мне такой парадокс, Александр Никитович. Вот ты говоришь: деревня деградирует, сельскохоззяйственное производство падает. Да и сам я видел, проехав нынче весной область от Омска до Тары и от Калачинска до Исылькуля: вдоль всех трактов - брошенные коровники. Почему же тогда в гастрономах и на базарах такое изобилие, какого я, прожив в Омске все свои 55 лет, никогда не видел? Ведь не одними «ножками Буша» торгуют, но и родной, местной продукцией...

В свое время мы мечтали о хлебе: «Эх, наесться бы досыта!». Сбылась мечта - наелись. Мечтали о штанах, о ботинках - пришло время - и оделись, обулись. А потом появились уверенность, что никогда, несмотря ни на какие засухи, не будет у нас голода. А сейчас такой уверенности нет. Сейчас голод может грянуть. Частично он уже есть.

Есть у нас в деревне семьи, в которых недоедают. Есть уже на севере хозяйства, не дающие хлеба. И у тех, которые пока еще его дают, тоже перспективы не веселые, если ничего не изменится, - я разговаривал с директорами некоторых из них. Государственная политика странная: можете сеять, можете не сеять - как хотите. Скот так же - можете держать, можете не держать... А изобилие - оно в момент может исчезнуть.

А главное: меняется сам народ от этих катаклизмов, регрессирует. Разрушено все так основательно, что слишком большие нужны изменения - и внутренние, в человеке, и экономические, чтобы все снова подняли. Как подняли после коллективизации, после войны, когда сам человек еще был прочен. А сейчас человек сбился с толку, не может понять, в чем заключаются его интересы.

Раньше как было в деревне: помочь соседу - святое дело. Стожок поставить, дров распиливать, притачить что-нибудь тяжелое. Все это делалось сердечным, без надути, быстро. Теперь же никто друг другу бесплатно и в морду не плюнет. Это что-то поразительное. Каждое движение, каждый шаг - все продается. Кто-то же в этом виноват? Сам по себе человек так измениться не может, все меняет социальная среда, условия жизни.

- Восемь лет почти прошло после выхода твоей последней книги, и вот теперь только-только потихоньку начинается молчание Плетнева прерываться: статья в сборнике об Олеге Чертове, рассказ в газете, в «Складчине-4» пойдет большой кусок из романа «Лицедейка». Видимо, это не случайная цепочка? Хочется, видимо, высказаться?

Хочется. Очень хочется. Тем более само время иное: куда ни глянь - всюду драматические и даже трагические коллизии, куда ни повернешь - везде слезы и страдания. И если ты писатель, ты смотришь на все это не просто глазами зрителя, а пропускаешь через сердце.

Не знаю, бывало ли у тебя такое: иной раз в автобусе еду - кто-то толкается, кто-то грубит, нервничает, раздражается. А глянешь на все это как бы со стороны, и вдруг закипит в сердце, думаешь: как же жалко тебя, человек! Конец второго тысячелетия, все мерзкое должно бы уже уйти в прошлое. Уж такое пережито, что каждый из нас достоин самого лучшего, а мы - голодные, злые, оборванные. Потому тут уж, как говорится, не просвищешь соловьем.

- Помнишь, пятнадцать лет назад, накануне твоего пятидесятилетия, я брал у тебя интервью - и тоже для «Вечерки»?

Не обижайся, но, честно говоря, не помню.

- А я вот перечитал тот текст перед поездкой сюда: очень наивным он сейчас смотрится. Газета та же, но выходила она в другой стране. И тем не менее: перед 65-летием пожелаю тебе того же, что и пятнадцать лет назад: здоровья и счастливых стран!

- Спасибо!

Александр ЛЕЙФЕР

ПЛЕТНЕВ

Лет двадцать назад в Омской писательской организации все чаще стал появляться новый, бивавший пока только проездом человек. Подкупала его необычная биография: шахтер-дальневосточник, в прошлом - деревенский житель, сибиряк, он вошел в литературу ярко и стремительно, выпустив в 1973 году во Владивостоке первую, сразу же обратившую на себя внимание книгу прозы, напечатавшись в «Москве».

Вначале он переехал сюда самовольно к нашему городу. Затем переехал сроднился с нашим скоро омские чиновники от литературы и руководившие ими «комиссары» из разного уровня парткомитетов поняли, какого трудноуправляемого и неудобного человека они получили «в подарок». Резкий и независимый в суждениях, он сразу же занял свою особую позицию. Говорил, что думал, на собраниях и во время встреч с читателями, не примкнул ни к одной из литературных «группировок», не стал добиваться квартиры в престижных кварталах, был равнодушен, а порой и непочтителен к авторитетам.

Его же собственный авторитет в литературе

все креп, особенно после появления романа «Шахта», который был отмечен премией, неоднократно переиздан, переведен на иностранные языки, экранизирован.

А в самый разгар перестройки Александр Плетнев неожиданно для многих просто исчез. Купил дом в глухой, не обозначенной на карте деревне и в городе стал появляться лишь изредка.

Одно из таких редких появлений - осень прошлого года - наделало немало шума. В Омске проходил подаваемый с большой торжественностью выездной пленум Союза писателей России. Выйдя к трибуне во второй день работы пленума, Плетнев буквально взорвал своим выступлением размеренный и благостный ход помпезного писательского форума, обсуждавшего почему-то все больше проблемы религиозные. Говорил он о своих потенциальных героях - жителях затерявшейся среди березовых колков, не заслужившей ни при развитом социализме, ни при недоразвитом капитализме асфальтированной дороги деревеньки Андреевки-людях изверившихся, годами не видящих собственной зарплаты, спивающихся, полунищих. Людях, с которыми он, известный писатель, живет теперь одной жизнью...

местных жителей не отличая. И они меня от себя, как мне кажется, уже тоже не отличают. Поэтому будет смешно и неестественно выглядеть, что Плетнев вдруг - шеф, благодетель».

Ты, может быть, слушаешь и удивляешься полному отсутствию в моих речах какого-то оптимизма. Но ведь кроме оптимизма есть еще чувство реальности, его нам не хватает. А этим «оптимистам», которые все твердят: «Россия возродится», я что-то плохо говорю. Не бескорыстно они так веруют.

Оптимистов и патриотов расплодилось сейчас хоть отбавляй. Профессия прямо такая появилась - патриот. И не такая уж, видимо, невыгодная профессия. Недавно спрашиваю одного своего коллегу по лицезу, поэта: «Как прошел твой творческий ве-

Вечно шахтеры жили то в бараках образца 30-х годов, то после войны вторую очередь подобных же барачков им понастроили. В начале 50-х - следующие «жилмассивы» такого же толка... И дед шахтер, и сын, а потом и внук - все так жили.

Последний раз я был в Артеме в 1992-м году, специально съездил на улицу Гоголевскую - обновить впечатления для романа «Лицедейка». И что ты думаешь? Стоят те же звериные логова. И до сих пор живы. А заработки вот какие были. Я работал «на лопате», потом взрывником: триста рублей зарабатывал - доволен, спасу нет! А увольнения? Я страшно здоровый парень был, закаленный физическим трудом еще в деревне, 120 килограммов за вес не считал. И то после смены еле до кровати доходил. Да еще газу нахвататься...

Ано «00-500 рублей зарабаты-

закрывает нерентабельные шахты.

Что значит «нерентабельные»? Да во всем мире подземная добыча угля нерентабельна. Без государственного дотирования она невозможна. Адотирования нет, вот шахтеры и возмущаются.

- Хочу порасспросить тебя об отношении к религии. Хотя, вообщем-то, в принципе, считаешь этот вопрос сугубо личным, интимным - таким, который каждый человек должен без всякого афиширования решать для себя сам. Но раз уж о вере в Бога с высокими трибунами теперь говорят... Ты ведь сам неверующий?

Удивительное дело: были - и не так уж давно - времена, когда я встал на писательских собраниях и, будучи беспартийным, критиковал партию. И мне говорили: «Же смей! Не трогай!». А теперь те же

23 июля 1999 г.